

Ольга Николаевна НАУМЕНКО —

профессор кафедры правоведения

доктор исторических наук,

Мариана Шамильевна АЛЬМУХАМЕТОВА —

старший преподаватель

кафедры теории и истории государства и права

Институт государства и права

Тюменского государственного университета

larionov@jurati.ru

УДК 340 (571.12)(091)

ВЛИЯНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ ГОРОДСКОГО ОБЫВАТЕЛЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX–НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

АННОТАЦИЯ. *Статья отражает специфику формирования правосознания городского населения Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX веков. Основное внимание уделено процессу формирования гражданского общества региона в сфере его отношения к региональным правоохранительным структурам.*

SUMMARY. *This article reflects the specific features of law awareness development of the city residents of the Western Siberia in the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries. It is devoted to the process of the region civil society development within its relation to law-enforcement structures of the region.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. *Правоохранительная система, правосознание, Западная Сибирь, общество, городской обыватель.*

KEY WORDS. *Law-enforcement system, law awareness, Western Siberia, society, city resident.*

В последнее время интерес ученых обращен к проблеме становления правового государства в России. Его формирование невозможно без развития правовой культуры и правосознания, этот фактор является не только важным, но и определяющим в данном процессе. Непосредственное влияние на уровень правосознания оказывают правоохранительные органы, так как отношение к ним (восприятие их деятельности как справедливой или несправедливой, уважение или отторжение и проч.) общество проецирует на правовую систему в целом. Тем не менее, до сих пор недостаточно разработан социальный аспект городского правосознания, связанный с оценкой обществом правовых проблем; мало изучены также некоторые аспекты формирования правосознания в локальных группах, в том числе в среде городского обывателя. Освещение исторического ракурса проблемы представляется необходимым звеном исследования в целом.

Городское население Западной Сибири складывалось из представителей нескольких сословий: мещан, купечества, духовенства, дворянства, почетных граждан, людей свободных профессий и т. д. Несмотря на общность их мироощущения как жителей города, в каждом из этих сословий встречались лица как с активной жизненной позицией, в том числе общественной, так и люди, ведущие достаточно простой образ жизни — «обыватели». К обывателю в тот период относили «постоянных жителей определенной местности, относящихся к податным сословиям» [1; 339], но в настоящем исследовании под обывателем понимается человек, лишенный общественного кругозора, живущий только личными интересами. Со слов современника, позиция городского обывателя Сибири выражается

«в стремлении устроить как можно лучше только свою личную жизнь, да и то преимущественно со стороны материальной» [2; 73].

Правосознание в среде сибирского обывателя формировалось в течение столетий. Первое восприятие права и правосудия было связано с деятельностью административной власти, имевшей дополнительно судебные функции. В первой половине XIX в. сибиряки привлекались, например, к исполнению телесных наказаний над преступниками: горожане должны были держать наказуемого, пока палач бил его розгами. В целом страх перед законом и судом в то время воспитывался через публичность и жестокость уголовных наказаний, которые исполнялись на торговых площадях городов. С этой целью при полицейских управлениях существовали даже специальные разборные эшафоты [3].

Говоря о предпосылках формирования правовой культуры в Сибири, исследователи — современники событий — подчеркивали: «Сибирякам пришлось иметь дело с местным начальством и чиновничеством, которое имело еще больше власти, чем у нас на родине, и всячески насильничало над местным населением, отданным в его полную, бесконтрольную власть» [4; 84].

В условиях буржуазных реформ второй половины XIX в. три основные ветви правоохранительной системы: полицейская, судебная и пенитенциарная — должны были усилить воздействие на общество с целью профилактики правонарушений. В силу множественности функций по регулированию жизни горожан именно полиция стала основным звеном правоохранительной системы, с деятельностью которого обыватели сталкивались ежедневно. Важность порядка в полицейской системе была очевидна и современникам: «Во все времена и у всех народов главными причинами неудовлетворения против власти была неправильность действий полицейской администрации. Все правительства прежде всего стремились к усовершенствованию этой полицейской администрации, с которой все слои общества и все отрасли его деятельности имеют немедленные ежедневные прямые сношения» [5]. По работе полиции и личностным качествам полицейских общество судило о законе и беззаконии, правосудии и власти.

В этом плане городской обыватель оказался под влиянием разных, во многом противоречивых воздействий полицейской системы. С одной стороны, с обывателями нередко работали абсолютно безнравственные служители закона. К примеру, в 1910 г. прокуратура в действиях ряда полицейских обнаружила «лихоимство, вымогательство, подлоги, противозаконное содержание и заключение и др.» [6]. С другой стороны, позитивное влияние и явное уважение вызывали отдельные служители закона. Примером является пристав Аршаулов: его называли «томским Шерлоком Холмсом». Будучи местным уроженцем и хорошо зная город, он имел значительные успехи в раскрытии преступлений. Им же в местной газете были описаны несколько типов томских преступников. В его рассказах прослеживается и жалость к людям городского дна, подчас вынужденных в силу сложных жизненных обстоятельств совершать преступления [7; 90].

Несмотря на таких энтузиастов (их были единицы), именно полиция вызвала больше всего нареканий со стороны местного общества, и перед ее действиями обыватели оказывались незащищенными. Жалобы на произвол полиции нередко оставались без ответа.

Это самоуправство и безнаказанность полиции к началу XX в. начали вызывать не только возмущение в среде горожан, но и открытый протест. Учитывая аполитичность обывателей, городские акты протеста свидетельствовали о том, что противоречия между полицией и обществом достигли своей наивысшей точки. Возмущение полицейским произволом содействовало политизации и объе-

динению местного общества, так как иная правозащитная сила, кроме них самих, по мнению обывателей, отсутствовала.

Эта же тенденция наблюдалась и в других сибирских городах, особенно в годы первой российской революции 1905-1907 гг. Со слов адвоката Пигнатти, «...наступили всюду тревожные дни. Были толки о назначении дней погромов. Всякий честный должен был, оберегая себя, оберегать других. Нельзя было полагаться на власть, полицию. . . Везде была власть и полиция, обязанные предупредить и пресекать, и везде на глазах ее совершалось то, чему нет слова, но благодаря чему насильно гибли лучшие и неповинные. Итак, каждый из нас здесь, в Тобольске, делал то, что мог. В городе образовалось «бюро для охраны в городе порядка». В него вошли лучшие люди... Членами этого бюро были представители от всех учреждений, сословий, союзов и партий» [8; 403].

Таким образом, местное население взяло на себя функцию полиции по охране общественного порядка. В целом отношение к полицейской системе у городского обывателя формировалось на основе собственного опыта, и часто — негативного. Этот опыт вызывал отторжение не только закона, но и власти, представителями которой были полицейские чиновники. Государственная власть, в свою очередь, оказалась бессильной перед полицейским произволом, несмотря на серию реформ. Неслучайно в этих условиях часть радикально настроенного общества начала вооруженную борьбу против полицейской системы с помощью террористических актов.

Так, 24 мая 1906 г. полиция г. Томска с почестями похоронила обходных И. Скирневского, Ф. Шабалина и К. Богомолова, «...неизвестно кем убитых в ночное дежурство». 4 мая 1908 гг. в Томском арестантском отделении при неудавшейся попытке группы местных революционеров освободить своих товарищей, во время службы в тюремной церкви произошла перестрелка, в ходе которой погибли смотритель тюрьмы и вахмистр жандармского управления.

Революция 1905-1907 гг. показала необходимость принятия законов, защищавших права полицейских. Была введена смертная казнь за убийство полицейского во время исполнения им служебных обязанностей [10]; на практике преступление приравнивалось к политическому терроризму.

Аналогичные процессы наблюдались и в отношении городского общества к служащим пенитенциарной системы. Практически в каждом городе Западной Сибири была тюрьма. Тесное соседство заключенных и обывателей вызывало контакты на личном и бытовом уровне: каждое утро перед воротами тюрем топпились торговки со снедью, заключенные выезжали в город на хозяйственные работы (строительные, очистительные и проч.); надзиратели набирались также из местного населения. Эти контакты стимулировали интерес обывателей к жизни местных тюрем.

Учитывая произвол полиции, часть горожан была убеждена, что значительная часть осужденных — невинные жертвы системы. Это порождало сочувствие, и эмоции усиливались впечатляющей картиной этапирования арестантов. По свидетельству губернской администрации, «в холод или грязь процессия в 60-70 человек с бритыми головами шла, гремя цепями, по городу и наводила на обывателей тоску, возбуждая грустное чувство сострадания к мученикам» [11; 2].

Одним из проявлений деформации правосознания городских обывателей была открытая поддержка заключенных, своеобразная солидарность, когда, по мнению горожан, права осужденных ущемлялись. Нередко местные жители вмешивались в дела тюрем, стремясь предотвратить действительный или мнимый произвол администрации. Политзаключенный И. Генкин вспоминал, как, согласно инструкции, на-

чальник тюрьмы прекратил посещение каторжанами тюремной столовой, приказав раздавать пищу по камерам. Заключенные отказались есть в камерах, требуя восстановления порядка. «...Обедать... есть хотим... — стали изо всех сил кричать каторжане, почувствовав приступ голода... Крики проникли на улицу и стали собирать у стен тюрьмы городскую публику. Предполагая, что с каторжанами творят что-то ужасное, публика потребовала от начальства объяснения» [12; 61]. Исследователь Сибири, шведский этнограф В. Гартевельд также акцентировал внимание на активности общества, когда дело касалось заключенных: «Когда в Тобольске распространился слух, что ... арестантов (Филипова и Архипова) засеки в тюрьме, то я по просьбе некоторых жителей поехал справиться о них» [13; 66].

Активное вмешательство обывателей сделало возможным волнения в тюрьмах, организованные как политическими, так и уголовными заключенными. Характерна реакция общества на теракты в отношении тюремных служащих, которые систематически происходили в сибирских городах. Как и в отношении полицейских, эти теракты были спланированы и вызвали возбуждение в обществе, подчас приподнято-радостное.

Население не противилось терактам: архивы и либеральная печать не зафиксировали попыток их реальной оценки, а также проявление возмущения общества после их совершения. Оправдание терактов со стороны местных жителей, нежелание воспрепятствовать этому явлению отчетливо показало: сибирское общество ни психологически, ни политически, не юридически не готово к террору. Неспособность обывателей правильно оценить ситуацию исходила из противоречий в деятельности самой правоохранительной системы, которая, с одной стороны, защищала интересы общества, с другой — интересы государства, порой расходящиеся с потребностями граждан. В целом солидарность с заключенными, вмешательство в дела тюрем, стремление поставить под контроль общества тюремную администрацию свидетельствовали как о серьезных проблемах в деятельности пенитенциарной системы региона, так и о деформации правосознания сибирских городских обывателей.

Отношение к судебной системе у местного общества также было противоречивым. До реализации в Сибири судебной реформы, по многочисленным свидетельствам, обыватели вообще не верили в правосудие. Характерна ситуация, сложившаяся в Тобольском губернском суде в 1876 году. Исполняющий обязанности председателя суда П.А. Волков, по сведениям генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, «...не ходил в суд по случаю пьянства, а если и бывал, то в самом пьяном виде, так что был не в состоянии держаться на ногах, падал перед просителями. Члены суда, «пользуясь слабостью председателя», редко посещали место своей работы» [14]. Посетители уходили ни с чем, большинство из них больше в суд не возвращались. В этой «безурядице» большинство винило судей: «Они, говорят, ничего не понимают в законах» [15; 1219].

Рубежом в процессе формирования правовой культуры городского обывателя могло стать формирование в Сибири мировых судов и судов присяжных. Как показала практика, население с радостью и энтузиазмом восприняло судебную реформу. Так, 2 июля 1897 г. в Тобольске состоялось торжественное открытие здания окружного суда. В этом мероприятии участвовали гости из других регионов страны, а также местное начальство во главе с губернатором Л. М. Князевым [16; 102]. На новый суд возлагались большие надежды. Думы сибирских городов выделили средства для проведения торжеств, улицы украшались флагами, были организованы народные гуляния. Газеты писали, что «ни один из провинциальных судов не открывался с такой пышностью, как сибирский» [16; 103].

Интерес к новому типу суда, работавшему на принципах гласности, состязательности, бессловности, равенства, широко освещался в прессе, что формировало в сознании местного общества доверие к нему и веру в правосудие. Открытые публичные заседания вызывали огромный интерес всех слоев городского населения. В залах суда можно было увидеть и дворян, и купцов, и крестьян. Для части обывателей посещение судов стало неременным атрибутом жизни и вошло в привычку. Они нередко приходили попросту послушать и посмотреть судебное разбирательство, как своеобразный «спектакль». Более того, на эти процессы среди населения распространялись специальные билеты. Об одном таком слушании в 1899 г. местная печать писала: «Дело настолько имело общественный интерес, что мировой судья, из опасения в этот день излишней толкотни в камере, вход разрешил только по билетам, которые и были все разобраны в первый же день по их выходу» [17; 3].

В качестве позитивного фактора, формировавшего правовую культуру городского обывателя, можно назвать и судебные процессы над некоторыми представителями правоохранительной системы, нарушившими закон. В результате таких процессов обыватель видел правосудие в действии и понимал, что возможна защита от произвола. Это объективно вызывало активность общества. Так, в Каинске Томской губернии в ноябре 1881 г. мещанское общество вынесло общественный приговор над городской головой И. Ерофеевым. Он обвинялся в махинациях с земельными участками, в незаконном открытии в городе винокурного завода, который наносит вред горожанам. Мещане также жаловались, что городской голова пытается создать на рынке дефицит хлеба, дров, сена и соломы, тем самым стремясь к повышению цен на предметы первой необходимости [18].

Между тем надежды местного общества на изменения в правоохранительных органах, его позитивные ожидания противоречили действительности. В частности, некоторые судебные процессы над представителями правоохранительной системы начинались, если они затронули интересы государства, а не граждан. Так, процессы над начальниками Тобольской каторжной тюрьмы Жуковым и Дементьевым начались, лишь когда они «проворовались». Ежедневно кто-либо из обывателей сталкивался с непрофессионализмом, произволом и другими явлениями, что сводило на нет позитивное влияние реформы. В результате обыватели называли правосудие «кривосудием» [19; 665].

Незавершенная, половинчатая судебная реформа вскоре вызвала разочарование обывателей. Уже в 1909 г. современник свидетельствовал о судебных заседаниях в Томске и Омске: «Мертво и вяло тянутся там заседания, без подсудимых, без свидетелей, без публики. В зале шелестят только листами дела, и сторож одинокий у дверей уныло зеваёт, мечтая об обеде...» [20; 10].

В целом отношение городского обывателя к деятельности правоохранительной системы отличалось двойственностью: от явного нигилизма до добровольного сотрудничества. Это свидетельствовало о том, что местное общество осознавало как серьезные проблемы в деятельности системы, так и необходимость позитивных перемен, а также было готово возложить на себя часть обязанностей в этом непростом процессе. Характерно, что обыватель, который, как правило, интересовался исключительно собственными проблемами, не только не оставался равнодушным к деятельности правоохранительных органов, но и проявлял достаточную активность, нередко вмешиваясь в их дела. Данные факты говорят о формировании в Западной Сибири гражданского общества, способного участвовать в организации своей жизни. Между тем государственная власть не уделила достаточно внимания этой тенденции, и потенциал общества нашел

иное, политическое, русло, что в конечном итоге вылилось в революционные события 1917 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XX. СПб., 1897. С. 339.
2. Головачев П. Тюмень как гнездо народного невежества // Тобольские губернские ведомости. 1894. № 47-48. С. 73.
3. ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 1. Оп. 1. Д. 616. Л. 2.
4. Петров М. Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская. М., 1908. С. 84.
5. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 63. Д. 10. Л. 4.
6. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 108. Д. 69. Л. 60 об.
7. Ларьков Н. С., Чернова И. В., Войтович А. В. 200 лет на страже порядка. Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX-XX вв. Томск, 2002. С. 90.
8. Сибирский листок. 1906-1908. Тюмень, 2003. С. 403.
9. Ларьков Н. С., Чернова И. В., Войтович А. В. 200 лет на страже порядка: (очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX-XX вв.). Томск, 2002. С. 115.
10. СЗРИ. Т. 2. Устав о наказаниях. Ст. 23.
11. Луговской Л. Заметка (об устройстве в Тобольске двух церквей при каторжных № 1 и № 2 тюрьмах). Тобольск, 1891. С. 2.
12. Бортникова О. Н. Тюремная реформа в Тобольской губернии. Тобольск, 1998. С. 61.
13. Гартевельд В. Каторга и бродяги Сибири. М., 1912. С. 66.
14. ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 152. Оп. 37. Д. 750. Л. 4-4 об., 9-10.
15. Сибирская газета. 1882. № 48. С. 1219.
16. Валитов А. А. Становление гражданского общества Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Тобольск, 2007. С. 102.
17. Сибирское дело о клевете в печати. Тюмень, 1899. С. 3.
18. ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 5. Л. 111.
19. Аксаков И. С. Общественные вопросы. 1860-1886. Т. 4. М., 1886. С. 665.
20. Вейсман Р. Л. Правовые запросы Сибири. СПб., 1909. С. 10.